

«ШЛЮЗЫ» И «ГУБКИ» РОССИЙСКОЙ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ

О.Ю. МАМЕДОВ,

*Заслуженный деятель науки РФ, доктор экономических наук, профессор,
Южный федеральный университет*

Среди основных вопросов развития России главное место занимает экономическое обеспечение инновационного прорыва к новому уровню социальной эффективности.

Проблема состоит в том, что как только мы подступаем к инновационным преобразованиям в масштабах макроэкономики, то сразу становится очевидным главное препятствие. Оно состоит в том, что национальная экономика крупной страны имеет слишком сложное строение, чтобы траекторию её движения можно было свести к движению отдельных её элементов, даже если это – крупные сферы или доминирующие отрасли производства. Другими словами, это означает, что реальное развитие национальной макроэкономики всегда носит **«точечный»** характер.

А это порождает особую группу противоречий: в то время, как в одних точках национальной макроэкономики «температура» экономических процессов повышается, в это же время в других точках она снижается. Мы сегодня как раз переживаем такой момент – то, что хорошо экспортоориентированным отраслям, обязательно плохо для импортоориентированных отраслей, и наоборот.

Столь же противоречив и механизм инновационного обновления экономики, так как поначалу он требует масштабных затрат, обещая взамен возможный эффект в неопределённом будущем. Поэтому инновационное ускорение требует инвестиционного мужества.

«Разнотемпературность» тенденций различных сфер национальной экономики – неизбежная плата за её мирохозяйственную открытость. Но именно такая разнонаправленная «точечная» динамика макроэкономики открывает возможность проведения активной инновационной экономической политики в отдельных сферах и отраслях национальной экономики, независимо от общей макроэкономической конъюнктурной ситуации.

Сегодня в стране не осталось, пожалуй, человека, который бы не понимал значимости инновационного прорыва для российской экономики. В попытке ускорить такой прорыв смыкают усилия ученые, конструкторы, инженеры, изобретатели.

Какой же вклад могут внести в инновационное ускорение экономисты? Что они могут сделать такого, чего никогда не сделают (да и не в состоянии сделать) «неэкономисты»?

На первый взгляд, главная задача экономистов – это *расчёт эффективности стратегических инновационных технологий* (с учётом специфики конкретной отрасли и конкретной сферы). Однако такой расчёт всегда носит преимущественно *технический* характер, что, при наличии хорошо разработанной методики, не представляет чрезмерных сложностей.

Экономистам, на мой взгляд, гораздо важнее было бы сосредоточиться на выявлении *эффективных экономических форм* реализации инноваций. Если бы экономисты единодушно объясняли, доказывали и показывали, что эффективная экономическая организация инновационных инвестиций возможна только при трёх условиях – развитии конкурентности, активизации частного предпринимательства и правовой равностатусности частного и общественного капиталов, то этим бы они внесли гораздо больший вклад в инновационный прорыв, чем исполнением бесконечного гимна антиэффективным статистским тенденциям в современной российской экономике.

Однако существует ещё один аспект в проблеме инновационного прорыва, который пока не привлёк достаточного внимания российских экономистов. Если эффективное развитие пространственно-крупной экономической системы действительно имеет «точечный» механизм реализации, то для инновационной экономики тем более важен принцип целенаправленной организации особых инновационных зон (подобно «Силиконовой долине»), в которых должен был бы создаваться долгосрочно-стимулирующий предпринимателей инновационно-инвестиционный климат. Только такие особые инновационные зоны могут выполнять функции своеобразных экономических «шлюзов», с помощью которых будет подниматься уровень инновационной активности данного региона.

К таким же «шлюзам» следует отнести любые зоны налоговых, таможенных и финансовых преференций, свободные зоны. Инновационные «шлюзы» – это зоны щедрого, долгосрочного, масштабного льготирования. Практически все страны мира ускоряли своё инновационное развитие только благодаря системе реально-ощутимых льгот. Экономисты выполнили бы свой научный и гражданский долг, если бы донимали правительство и региональные администрации требованием – «Даёшь льготы инновационному бизнесу!».

В стране должна возникнуть территориальная система «инновационных шлюзов» – в каждой сфере, в каждом регионе, в каждой отрасли.

За примерами далеко ходить не придётся: что такое Сочинская Олимпиада? Это – гигантский «шлюз» для подъёма экономики всех регионов Юга России.

Что такое создание Южного федерального университета? Это – своеобразный «шлюз» для качественного скачка всех вузов на Юге России.

Что такое региональные научно-практические конференции (которые, например, проводят Волгоградский университет в Волжском и Кубанский университет в Сочи)? Это – тоже своего рода «шлюзы» для подъёма исследовательской культуры южно-российских экономистов.

И надо быть очень уж неудачливыми строителями шлюзов, чтобы уровень инноваций в регионах, сферах и отраслях не повышался, а понижался.

Наряду с интуитивным строительством экономических «шлюзов» в стране возникает и особая система их финансового обеспечения, которую я бы назвал

«губками». И самая известная экономическая «губка» последних лет – это Стабилизационный фонд России: он призван собирать излишнюю денежную массу, которая, как полагают творцы «стабилизационно-фондовой» концепции, способна затопить экономику инфляционными водами.

С собирательством излишних денег эта «губка» справляется прекрасно, но экономистов должно заботить другое, – *где и кем она «выжимается»?* До последнего времени стабилизационная «губка» впитывала деньги в нашей стране, а выжимала – в другой.

Пришла пора осознать – точечный характер инновационного прорыва требует, чтобы выжимание денег из «стабгубки» происходило не где-то далеко от наших границ, а именно над инновационными «шлюзами». Только в этом случае финансовое обеспечение инновационного обновления не будет требовать перераспределения устоявшихся финансовых потоков.

Но экономисты учитывают и другой важный момент – на одну видимую стабфондовскую «губку» приходится четыре «невидимые» губки, которые способны выкачать вообще все деньги из российской экономики. Речь идёт о «губках», имя которым – инфляция, отраслевой монополизм, бюрократизм и коррупция.

Эти общие соображения позволяют по-новому взглянуть на основные проблемы инновационного развития России.

1. Оказывается, у нас имеются реальные конкурентные преимущества в инновационной гонке с другими странами, только мы их плохо видим. А вот в октябрьском номере (2007 года) ведущим американским журналом «Industry Week» была опубликована статья (Джима Симса и Сэма Когана, руководителей компании «GEN3 Партнеры инк») под характерным названием – «Как американские производители могут использовать российские инновации». В этой статье прямо объясняется – *в России сложилось уникальное сочетание армии высококвалифицированных специалистов и массы дешёвой рабочей силы*. И добавляют: плюс есть даже в том, что (в России) отсутствует современное оборудование – российским производителям и разработчикам продукта приходится полагаться на творчество, то есть поиск и адаптацию научных и других проверенных подходов из других отраслей¹.

Теперь нам виден основной «шлюз» инновационного продвижения российской экономики, над которым должна быть выжата основная «стабфондовская губка». Дело осложняется только одним опасением – **как бы стабфондовская губка не усохла раньше, чем мы успеем её выжать.**

2. Сегодня основным индикатором качества государственного управления экономикой является его успех в стимулировании инновационной деятельности. В России инновационный потенциал выше, чем в большинстве стран (составимых с нами по уровню ВВП на душу населения), тем более учитывая масштаб национальной научной базы и обеспеченность квалифицированными кадрами. Так почему же эти благоприятные факторы двигают инновации только в диссертациях, а на практике всё по-прежнему?

Да потому, что у нас сложился разрушительный дисбаланс между огромными государственными ресурсами, выделяемыми на формирование «экономики знаний», и малюсенькими результатами её реального становления. Вот этот дисба-

¹ См.: <http://www.industryweek.com>

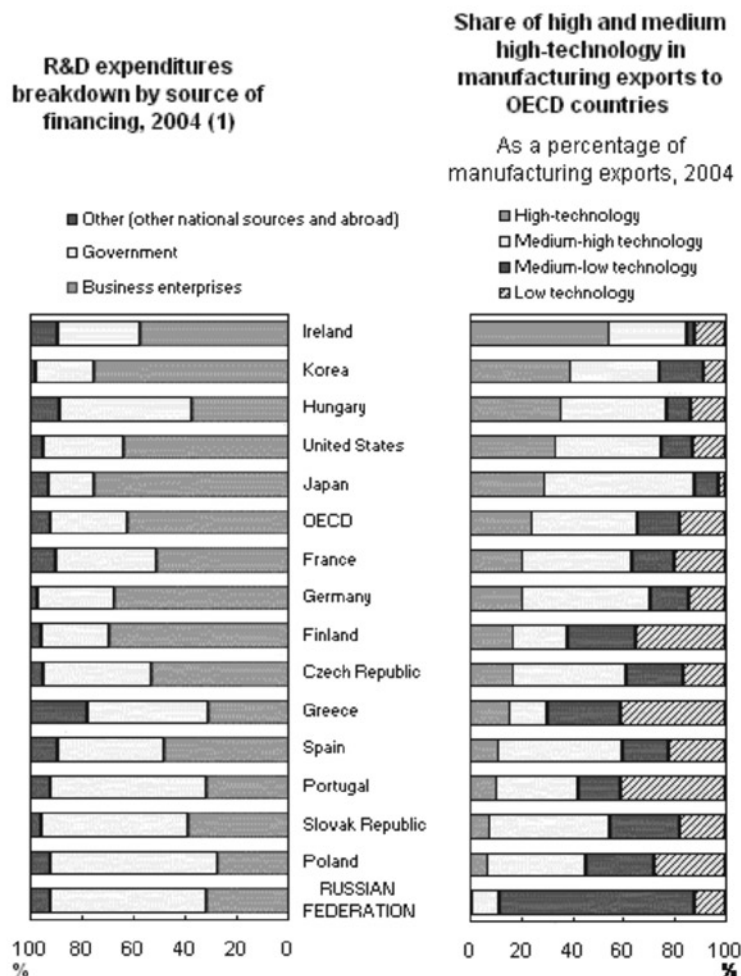
ланс и есть своего рода «антишлюз», который тормозит инновационное развитие нашей экономики, сколько бы мы ни выжимали над ним «денежную губку».

Государственный сектор науки должен отвечать потребностям бизнеса, тогда как сегодня он сосредоточен преимущественно на обслуживании госзаказов.

Кардинальное значение имели бы меры по рационализации организационной структуры научной отрасли, по сокращению числа прямых получателей бюджетных средств, а также переход к выполнению преимущественно коммерческих проектов, а не государственно-финансируемых исследований. Необходимо расширить возможности и стимулы для университетов и институтов добиваться коммерциализации результатов своих исследований.

3. Анализ названного дисбаланса показывает, что он порождён экономическими причинами. Следовательно, и методы лечения должны быть экономическими. Дело в том, что нам никак не удаётся стимулировать активное участие частного сектора в научно-исследовательских разработках и их практическом освоении. В результате государственные инвестиции не оборачиваются щедрыми всходами в сфере инновационной деятельности. Давайте посмотрим на две диаграммы, объясняющие, где мы и почему (см. табл. 1.).

Таблица 1.

Источник: OECD and Portugal Source: OECD, Main Science and Technology Indicators database and STAN Bilateral Trade Database 2006/I.

На левой диаграмме показано соотношение двух основных экономических источников инновационных инвестиций – государственных и предпринимательских инвестиций. Прекрасно видно, что группа стран с максимумом государственных инвестиций представлена Польшей (2-я строка снизу), Португалией (4-я строка снизу), Россией (последняя строка снизу), Словакией (3-я строка снизу), а группа стран с максимумом предпринимательских инвестиций представлена – Кореей (2-я строка сверху), Японией (5-я строка сверху), США (4-й строкой сверху), Германией (8-я строка сверху), Финляндией (9-я строка сверху). Если теперь перевести взгляд на правую диаграмму, то мы обнаруживаем объективный результат этих разных соотношений источников инновационного инвестирования (особенно неприятно смотреть на последнюю «российскую» строку, где взгляд тщетно пытается отыскать хоть чуточку «хай-тека»).

Отсюда вывод – сколько бы мы ни выжимали «губку» над сферами государственных инвестиций и государственной науки, они никогда не превратятся в «шлюзы», поднимающие корабль российской экономики на инновационный уровень. Надо бы искать другое место для выжимания с таким трудом собираемых денег.

4. Открытая бизнес-среда во всём мире считается базовым условием успешной инновационной политики. Наряду с макроэкономической стабильностью желающие стимулировать инновации должны обращать особое внимание на снижение барьеров для входа на рынок, что будет способствовать распространению новых технологий и ноу-хау, и – одновременно – стимулированию конкуренции. Однако в России проблема оказывается вовсе не в барьерах внешней конкуренции, на что кивают многие экономисты с целью обоснования правоты политики протекционизма, а в административных барьерах, препятствующих появлению новых фирм, а также в барьерах между региональными рынками, которые слишком сегментированы и не очень конкурентоспособны. Вот вам и ещё одно «антишлюзовое» устройство.

5. Необходимы реформы, укрепляющие финансовое обеспечение инновационной деятельности: обследования предприятий постоянно обнаруживают основные препятствия для инвестиций и инноваций – нехватку у них собственных средств и дороговизну кредита. Лучше всего о недостаточном развитии в стране финансовых рынков свидетельствует практическое отсутствие венчурного капитала.

6. Особая роль в содействии инновационной деятельности в Европе принадлежит кластерам. Кластерная инновационно-стимулирующая политика была осуществлена в 2006 году в 25 государствах-членах Европейского союза, в четырех странах-кандидатах (Болгария, Хорватия, Румыния и Турция), а также в Норвегии, Швейцарии и Исландии. Кластерами повышенной инновационной деятельности и конкурентоспособности в Европе считаются экологические и автомобильные кластеры. У нас же, из-за сверхбюрократизма и сверхрегламентированности, маневренные по своей природе кластеры фактически не приживаются (у нас кластерами называют подотрасли производства). Таким образом, «кластерный шлюз», который поднимает европейскую экономику на новую инновационную высоту, нам пока не светит, – и очень жаль, что это – не наше конкурентное преимущество.

7. Мы – не единственная страна, которая ставит на инновационный прорыв. Вот что предлагается в далёкой Чили, также озабоченной инновационным ускорением (все эти предложения будто выведены из реалий нашей страны).

- Необходимо вкладывать больше средств в исследования и разработки (R & D), улучшить свою систему образования, поощрять государственно-частное партнерство и укреплять бизнес-сектор инноваций, особенно в группе малых и средних фирм – в целях поддержания экономического роста.
- Стимулирование инновационной деятельности является одним из ключевых факторов повышения благосостояния и успешного включения в мировую интеграцию. (Чили) должна стимулировать инновации для достижения высоких и устойчивых темпов роста и дальнейшего уменьшения бедности и неравенства доходов «стойких». Совершенствование системы образования должно стать приоритетной задачей, так как нехватка квалифицированных людских ресурсов является одним из основных препятствий для социально-экономического развития (Чили)».
- Правительство должно способствовать частно-государственному партнерству для расширения сотрудничества между частным и государственным секторами. Но для того, чтобы иметь долгосрочные последствия, это направление должно сопровождаться реальными реформами поощрения частного сектора в аспекте инновационной деятельности, особенно среди МСП.
- Необходимо создание Национального совета по инновационной конкурентоспособности, а также Национального инновационного фонда для конкурентоспособности.
- Инвестиции в исследования и разработки в процентах от ВВП являются крайне низкими по сравнению со странами ОБСЕ (0,67% от ВВП в 2004 году по сравнению с ОБСЕ в среднем 2,25%). Большинство исследований и разработок (в Чили) финансируются государством и проводятся в государственных университетах. В то же время, подавляющее большинство малых и средних предприятий (МСП) не проводят никаких инноваций.

Таковы фрагменты национальной инновационной программы Чили. Мы видим, что экономисты-теоретики во всех странах приходят практически к одинаковым выводам и говорят фактически одно и то же. Теперь дело за другим, – в какой стране правительство услышит раньше других рекомендации экономистов? И окажется ли наше правительство в числе первых?

В последнее время экономические тексты отечественных авторов становятся всё более задорными и боевыми. Слово «проблема» всё чаще заменяется словом «вызов». Из таких текстов становится ясным, что нам все и всё «бросают вызов». Глобализация, по мнению многих экономистов, тоже бросает нам вызов.

Мне же представляется, что дело обстоит противоположным образом – это мы, игнорируя многие настоятельные требования,

императивы и потребности современной экономики (в частности, – фундаментальной демонополизации экономики, реального укрощения вселилия бюрократии, устранения экономических основ для коррупции, настоящего местного самоуправления, поддержки региональной динамики), бросаем вызов мировым тенденциям, в том числе и глобализации.

Не пора ли осознать, что каждый всемирно-исторический процесс (к примеру, – глобализация) порождает свои императивы? И горе тем национальным экономикам, которые упорствуют в глухоте к этим императивам, – расплата неминуема и может обойтись очень дорого.

Экономисты могли бы помочь осознанию этой истины...